

1382 г. Псковскому Снетогорскому монастырю.⁵⁵ Но митрополит Фотий (1408—1431) должен был заново благоустроить «устав-обычай» Снетной горы.⁵⁶ Фотий написал такого рода послания нескольким монастырям,⁵⁷ писали послания и другие русские иерархи.⁵⁸

Эти уставные грамоты нужно резко отличать от посланий духовных лиц, обращающихся также к монахам, сообщающих также «поучения» и «правила», «уставы иноческого жития», но не являющихся уставными грамотами, т. е. монастырскими уставами для употребления в одном каком-либо монастыре. В описаниях рукописей, где «поучения» о монашеской жизни встречаются очень часто, такое смешение можно наблюдать не раз.⁵⁹ Эти «поучения» написаны для общего употребления, не для одного какого-либо монастыря, а для широкого распространения в монашеских кругах, особенно для молодых, «новоначальных». Они, в сущности, продолжают на более скромном уровне ту литературу «отеческих» трактатов и поучений, которые были любимым чтением древнерусского монаха: сочинения Василия Каппадокийского, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и др. По жанру они принадлежат к проповеднической литературе или к нравоучительным трактатам.

Приведенные до сих пор примеры из древнерусской письменности показывают, что вопрос о письменном монастырском уставе, очевидно, ставится на Руси в XIV—XV вв. В это время в России возникают первые дошедшие до нас завещания игуменов и первые уставные грамоты русских иерархов. В это время в Византии большие монастырские учреждения в Константинополе и другие, более скромные монастыри в Малой Азии и на греческих островах, а также сыгравшие столь важную роль в жизни русского монашества монастыри Святой Горы Афона⁶⁰ уже в течение нескольких столетий имели свои подробные типиконы.

Интересно и то обстоятельство, что именно в это время на Руси появляется греческое слово «ктитор» для основателя монастыря. Мы уже знаем, что в Византии ктитором первоначально называлось преимущественно высокопоставленное лицо, которое основывало монастырь для своих личных надобностей, часто это был мирянин. В более поздние века монахи — основатели монастырей — также называли себя ктиторами, и в таком, общем смысле это слово приходит в Россию.

Итак, мы понимаем теперь обстоятельное объяснение Евфросина Псковского: «Известо же буди вам, братие, слышахом от святых отецъ, от древле нас бывших, якоже Пахомий и Евфимий великий и Феодосий, Сава Иерусалимский и прочии велиции: их который начаю сътворил в коем либо месте и братю и монастырь составил, то уже и ктитор⁶¹ именовася».⁶²

⁵⁵ АИ, т. I, № 5, стр. 7—9; РИБ, т. VI, СПб., 1880, столб. 210 сл.

⁵⁶ АИ, т. I, № 26, стр. 52 и сл.; РИБ, т. VI, № 46, столб. 391 и сл.

⁵⁷ Ср. два послания его Киево-Печерскому монастырю: Благословенная грамота Павлу Обнорскому на основание монастыря (РИБ, т. VI, столб. 487—498).

⁵⁸ Например, РИБ, т. VI, №№ 21, 32, 45; АИ, т. I, № 37 и др.

⁵⁹ Примеры этого жанра «поучений» приводятся у Макария (*История русской церкви*, т. IV, стр. 218 и сл.). См. также: П. Ф. Николаевский. *Русская проповедь в XV—XVII веках.* — ЖМНП. СПб., 1868, кн. 4, стр. 375 и сл.; Н. Сербрянский. Очерки по истории монастырской жизни..., стр. 264 и сл. Но все указанные авторы неправильно считают эти поучения за монастырские уставы в определенном нами смысле слова.

⁶⁰ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — *Byzantinoslavica*, t. 9. Prague, 1947, стр. 55—87; t. 11, Prague, 1950, стр. 32—71.

⁶¹ Фактически Евфросин неправ: никто из этих «отцев» не называл самого себя ктитором — это понятие куда более позднего времени.

⁶² Н. Сербрянский. Очерки по истории монастырской жизни..., стр. 509